

Шэнь Юйхэн с силой нахмурил брови. Боль, которую намеренно причинял Сяо Цзинь, проникала в тело, но по какой-то причине превращалась в горькое наслаждение.

«Этого чувства быть не должно».

Шэнь Юйхэн закрыл глаза, терпя жестокость Сяо Цзиня, и в то же время в панике вспомнил слова лекаря Сюя о том, что в его теле остались следы яда гу.

«Значит, это было не для того, чтобы убить меня, а чтобы унижить?»

«Логично. Если бы Сяо Цзинь хотел меня убить, достаточно было бы пошевелить пальцем, чтобы от меня и мокрого места не осталось. Зачем было специально использовать гу?»

Но благодаря этому яду тело Шэнь Юйхэна научилось адаптироваться, и он не потерял сознание под этими беспорядочными и грубыми движениями.

Однако в мучительных действиях Сяо Цзиня он постепенно начал замечать нечто странно знакомое.

Его тело знало эту боль.

В одно мгновение все подавленные подозрения насчет Сяо Цзиня всплыли наружу, отчего он весь похолодел.

Те ощущения, из-за которых он боялся засыпать, не смея сомкнуть глаз, всплывали одно за другим — такие четкие, будто это произошло секунду назад.

Он медленно приподнял голову, его голос звучал хрипло и тихо:

— Раньше... это всё время был ты?..

— И что с того?

Холодный и непреклонный тон Сяо Цзиня словно воздвиг стену между ними, хотя его руки продолжали совершать самые интимные и двусмысленные движения:

— Разве мать-супруга не любит заниматься подобным больше всего на свете? Я просто исполняю желания матери-супруги.

Шэнь Юйхэн опустил глаза. Тот проблеск вожделения во взгляде словно вмиг смыло водой, оставив лишь мрачное разочарование.

Даже боль и наслаждение, которые испытывало его тело, стали казаться притупленными.

Сяо Цзинь, заметив его ледяное сопротивление, холодно усмехнулся.

Как долго, по его мнению, он сможет сопротивляться?

Он сжал его талию; пальцы, прижатые к низу живота, обжигали жаром. Вскоре после этого червь гу уснул, и удовольствие медленно угасло.

На его место пришли приступы сильной, тупой боли.

Лицо Шэнь Юйхэна постепенно побледнело, холодный пот стекал по вискам, даже губы начали

непрерывно дрожать.

Юноша прищурился, его ладонь нежно гладила ледяное, дрожащее лицо Шэнь Юйхэна, наслаждаясь видом его расфокусированного взгляда.

Только боль Шэнь Юйхэна могла доказать его собственную «невиновность».

Он хотел бы раздробить Шэнь Юйхэну кости, содрать с него кожу и выпить его кровь.

Как он мог в него влюбиться?

Он...

Глаза Шэнь Юйхэна тяжело закрылись, но кончики его пальцев всё еще слегка подрагивали.

Увидев, что он закрыл глаза, Сяо Цзинь почувствовал, как его напряженный гнев вмиг ослабевает, а жестокость во взгляде мгновенно отступает.

Злоба и желание, которые он прятал во тьме ночи, наконец-то вырвались наружу, и Сяо Цзинь действительно стал свидетелем страданий Шэнь Юйхэна.

Всё шло по его плану, строго и упорядоченно.

Он вытащил пальцы из дрожащего тела Шэнь Юйхэна, не желая и не смея докапываться до того, откуда взялась та зияющая пустота, которую он ощущал в своей груди.

На следующий день.

Когда Шэнь Юйхэн проснулся, он чувствовал разрывающую боль во всем теле.

И дело было не только в боли, причиненной Сяо Цзинем. Вчера он пережил слишком многое, его тело было усеяно множеством следов и ран, оставленных разными людьми.

Наверное, из-за того, что следы, оставленные Сяо Цзинем позже, были слишком глубокими, он уже не мог отчетливо вспомнить лица остальных.

Шэнь Юйхэн вздохнул.

Он никак не ожидал, что один простой вопрос вызовет у Сяо Цзиня такую ярость.

Убедившись в ненависти Сяо Цзиня, Шэнь Юйхэн не испытал ожидаемой бури сложных эмоций. Напротив, он был на удивление спокоен — вот если бы Сяо Цзинь полюбил его, тогда бы он действительно удивился.

Только вот он совершенно не предвидел, что Сяо Цзинь выберет такой способ пытки.

Если всё так, как сказал юноша, и его ненависть достигла предела, разве он стал бы заходить так далеко?

Шэнь Юйхэн был нормальным человеком и не мог понять подобных чувств.

Ему просто... было немного жаль.

Его первый поцелуй, как и все эти интимные прикосновения — всё это было навязано ему

человеком, который его ненавидел.

Те мгновения, что должны были быть полны нежности, превратились в бесконечную пытку и холодное покорение. В памяти, помимо нескончаемой боли, осталось лишь горькое послевкусие.

Эх.

Вскоре после пробуждения Шэнь Юйхэна в дверь внезапно постучали.

Солдат-смертник принес ему чистую одежду и вывел Шэнь Юйхэна с постоялого двора.

Глядя на то, как пейзаж за окном паланкина постепенно меняется с шумных городских улочек на неизменные алые дворцовые стены, Шэнь Юйхэн невольно почувствовал тяжесть на сердце.

А Сяо Цзинь, увидев, как медленно закрываются дворцовые ворота, мысленно с облегчением выдохнул.

Он был уверен: только эта квадратная золотая клетка для птиц способна надежно удержать Шэнь Юйхэна.

Преподанного урока было более чем достаточно. Отныне он больше не позволит ему отойти отсюда ни на шаг.

Даже если Шэнь Юйхэну суждено умереть, он умрет здесь, прямо у него на глазах.

Всю дорогу они не проронили ни слова и в молчании вернулись во дворец Цинчжо.

Снова оказавшись в спальне, Шэнь Юйхэн переступил порог комнаты, в которой не был всего несколько дней, но ему показалось, будто прошла целая вечность.

Он взглянул на маленькую кровать, где спал Сяо Цзинь, вспомнив, как тот однажды вызвался нести ночную вахту ради его «безопасности».

Тогда он наивно полагал, что Сяо Цзинь образумился.

Сяо Цзинь вошел в комнату следом за Шэнь Юйхэном, но стоило ему переступить порог, как Шэнь Юйхэн заговорил:

— Девятый принц теперь управляет государственными делами и постоянно занят. Было бы гораздо удобнее, если бы у вас была собственная резиденция.

— Взрослые принцы, даже если они еще не получили титул князя, имеют свои собственные дворцы. Девятому принцу совершенно не подобает постоянно жить здесь, со мной.

На мгновение выражение лица Сяо Цзиня стало весьма красноречивым.

Он мрачно усмехнулся, не скрывая издёвки:

— Даже если я уеду, мать-супруга не сможет отсюда сбежать. То, что произошло вчера, больше никогда не повторится.

— Девятый принц всё неправильно понял, — ровным тоном ответил Шэнь Юйхэн, в его голосе слышалась безысходность. — Жизнь и безопасность семьи Шэнь в ваших руках. Разве я посмею

снова пойти на такое?

Как только он это сказал, в комнате раздался звонкий треск: ваза на столе была смахнута на пол. Осколки фарфора разлетелись во все стороны, а резкий аромат цветов мгновенно заполнил всю комнату.

В этот момент Система издала печальный звук «бззт-клик».

Шэнь Юйхэн мысленно успокоил ее:

«Не волнуйся, я знаю, что у меня еще есть миссия».

Он не отказался от миссии по спасению, он просто хотел исправить отношения между ним и Сяо Цзинем.

Он изо всех сил подавлял внутреннюю дрожь.

Боль прошлой ночи всё еще отчетливо въелась в его тело. Эти раны, этот гнев, который Сяо Цзинь выплеснул на него, казалось, оставили неизгладимый след на каждом дюйме его кожи.

Сяо Цзинь был уже не ребенком, но он так и не встал на правильный путь. Шэнь Юйхэн боялся, что из-за их искаженных отношений юноша зайдет слишком далеко, откуда уже не будет возврата.

Даже сейчас Шэнь Юйхэн надеялся, что Сяо Цзинь сможет жить как нормальный человек.

Услышав ожесточенную ссору внутри, никто из дворцовой прислуги снаружи не осмелился приблизиться; они не имели ни малейшего понятия, что там происходит.

Мгновение спустя из-за двери внезапно раздался голос личного евнуха Императора, Фан Цина:

— Супруг Шэнь, Его Величество велел вашему слуге пригласить вас в Зал Янсинь. Ваша шпилька с золотым лотосом всё еще хранится у Его Величества.

— Понял.

Шэнь Юйхэн кивнул, его ладони уже покрылись холодной испариной. Никогда прежде он не испытывал такого сильного желания сбежать в покои Сяо Хуая.

Когда он повернулся, чтобы уйти, Сяо Цзинь всё так же не удостоивал его взглядом, словно уход Шэнь Юйхэна был для него чем-то совершенно незначительным.

Шэнь Юйхэн молча последовал за евнухом Фаном; его шаги были тяжелыми, а на сердце становилось всё мрачнее.

...

К тому времени, как Сяо Цзинь снова пришел в себя, всё вокруг изменилось до неузнаваемости.

Зал Цинчжо был превращен в руины. Осколки нефрита и рваные куски ткани усеивали пол, кровать была изрублена в щепки, а подсвечники в углах повалены, разбрызгав повсюду воск.

Сяо Цзинь стоял посреди этого хаоса с пустым взглядом; в его памяти не осталось никаких

воспоминаний о том, как он учинил этот разгром.

В этот момент у двери раздался холодный вздох.

Сяо Цзинь, сжимая в руке меч, перевел туда взгляд.

Су Чэн, неизвестно когда появившийся на пороге спальни, равнодушно смотрел на него из-за косяка.

— Если Девятый принц хочет лишь причинять боль супругу Шэню, то впредь позвольте мне заботиться о нем.

Сяо Цзинь резко вскинул голову. Его глаза наполнились шоком и недоверием, он едва мог поверить своим ушам.

— Что ты сказал? — Его голос звучал низко, с нотками резкой хрипотцы, а налитая кровью жажда убийства в глазах мгновенно раздулась и исказилась.

Су Чэн покачал головой, развернулся и ушел.

У дверей вновь воцарилась тишина; там не осталось ни души.

И тут перед внутренним взором Сяо Цзиня внезапно всплыла та ночь, когда Шэнь Юйхэн вошел в комнату Су Чэна и не возвращался до самого утра.

Он всегда считал Сяо Хуая хозяином Шэнь Юйхэна, но, возможно, тем, кто был ближе всего к сердцу Шэнь Юйхэна, тем, рядом с кем он чувствовал себя в безопасности, был Су Чэн.

Именно Су Чэн.

Меч в руке Сяо Цзиня непрерывно дрожал. Он с силой швырнул сверкающий клинок на пол и, словно утопающий, стал жадно хватать ртом ледяной воздух.

Он больше не мог оправдывать эту извращенную одержимость и безумное чувство собственности простой ненавистью.

Любая причина сгодится.

Ему нужно, чтобы Шэнь Юйхэн остался рядом с ним — и только с ним.

По виску Сяо Цзиня скатилась капля холодного пота. Он посмотрел в сторону Зала Янсинь, и в его глазах отразился безумный блеск.

Сопровождавшие его солдаты-смертники, заметив ужасающее выражение лица Сяо Цзиня, поспешно опустили головы, не смея встретиться с ним взглядом.

Они знали: этот день наконец настал.